

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИСТИН НАУКИ И ИСТИН ИСКУССТВА

Категория «истина» есть одна из центральных во всех философских учениях.

В статье аргументируется тезис, что истины научных знаний расширяют горизонт внешнего бытия человека, а истины искусства – горизонт его внутреннего мира.

Ключевые слова: наука; искусство; познание; истина; человек.

Категорія «істина» є однією з центральних у всіх філософських вченнях.

У статті аргументовано тезу, що істини наукових вчень розширюють горизонт зовнішнього буття людини, а істини мистецтва – горизонт її внутрішнього світу.

Ключові слова: наука; мистецтво; пізнання; істина; людина.

The category «truth» is one of the central in all philosophical doctrines.

In article the thesis is reasoned that truth of scientific knowledge expands the horizon of external life of the person. And truth of art – the horizon of an interior.

Key words: science; art; cognition; truth; person.

Существует множество относительно самостоятельных форм духовного бытия общества: наука, искусство, мифология, религия, обыденное сознание. Последние 300–400 лет истории человечества прошли под знаком науки. Интеллектуальный рационализм настолько доказал свое право на существование перед всеми другими формами духовности, что стал претендовать на статус единоличного обладателя всех человеческих истин. Несомненно, научные истины дали человечеству невиданные ранее силы и мощь перед лицом природной стихии. Как в обществе, так и в каждом отдельном человеке сегодня разумность (количество и качество знаний) является главным социальным показателем принадлежности к высшему «сословию в иерархии природы». Но сколько бы важным и главным элементом в бытии общества и человека не было количество и качество научно-истинных знаний, они не исчерпывают всего духовного бытия как общества, так и индивидуального человека. В каждом человеке много такого, что поддается рациональному пониманию и регулированию, но также истинно утверждение, что в каждом человеке много такого, что науке принципиально недоступно. Например, любовь, достоинство, честь, милосердие, чувство красоты, доброта и т.д. Наука нужна и обществу, и каждому отдельному человеку. Это так.

Но обществу и каждому отдельному человеку необходимы и другие формы духовной жизни, прежде всего, искусство.

Свое право на существование наряду с другими формами деятельности искусство доказало своей историей. Оно имеет свой предмет, свои законы, свои функции.

Рассмотрим специфику той функции искусства, которая сближает его с наукой, – познавательной. Наука изучает действительность, отражая ее в виде законов и категорий различных наук: физики, химии, биологии, истории, философии, социологии, педагогики и других.

Искусство же отражает мир не через систему истинных знаний и понятий, а через систему художественных образов, понимаемых не столько умом, сколько, как говорят, сердцем, чувствами. Не случайно когда-то Ф. Энгельс сказал, что из сочинений О. Бальзака он узнал об истории французского общества больше, чем из книг всех специалистов вместе взятых. Вспоминаются и слова другого классика, который видел во Льве Николаевиче Толстом зеркало русской революции.

Образы искусства не константны, изменчивы, и благодаря этому доступны самой широкой массе людей. «Пушкин и Байрон написали разных Дон-Жуанов, А. Баталов не повторил в роли Павла Власова Н. Баталова, а Э. Быстрицкая – Э. Цесарскую в роли Анисьи («Тихий Дон»). М. Плисецкая создала совершенно иной образ Одетты по сравнению с Г. Улановой. Чайковский и Прокофьев увидели различные грани в истории Ромео и Джульетты. А как непохожи воспоминания И. Эренбурга и К. Паустовского, хотя часто их внимание привлекают одно и то же время, одни события, люди» [1].

Истины науки и истины искусства отражают разные стороны и действительности, и самого процесса познания. Научные истины – это знания, соответствующие действительности. Истины искусства – это соответствие реального состояния своему эталону, т.е. своей идеальности, совершенному виду. Истины искусства проявляются через соответствие единичного общему, несовершенного совершенному, в терминах Гегеля – через соответствие «предмета своему понятию».

Например, личность, сформировавшаяся при конкретных обстоятельствах и соответствующая своей среде, тем ближе к истинному человеку, чем больше он соответствует гуманистическому идеалу, Закону человечности. Истинным человеком является тот, кто наиболее полно реализует в своей единичности всеобщий закон человечности, гуманизма; тот, кто наиболее полно соответствует этому понятию.

Высочайшая цель искусства – формировать в человеке все истинное в форме Гармонии и Красоты. Здесь точнее было бы говорить о том, что каждый человек, приобщаясь к искусству, формируя и развивая свои потребности в художественной деятельности, становится все более истинным человеком,

приближаясь к идеалу понятия «человечность», человеком, способным к истинной творческой деятельности.

Истинное искусство порождает чувства, эмоции, переживания, превращающиеся тут же в мотивации, стимулы, желания к самосовершенствованию, в страсть быть умнее, добрее и красивее. В этом сила и ценность истин искусства.

При определении истин науки пользуются критериями объективности, необходимости, наличия устойчивых причинно-следственных связей, повторяемости, экспериментальной проверяемости, логической непротиворечивости, практической воспроизводимости в самом широком смысле.

При определении истин искусства пользуются в основном другими критериями: красоты, совершенства, субъективной эффективности, катарсиса, доброты, милосердия, мотивации к творчеству и гуманной активности (деятельности).

Различия очевидны. Но есть одна, достаточно хорошо забытая категория, которая, на наш взгляд, демонстрирует наличие у них общего мировоззренческого основания. Эта категория – «онтологическая истина».

Гносеологическая (эпистемологическая) актуальность исследования «алетейя» (гр. *aleteia* – истина), или на латинский манер «веритас» (лат. *veritas* – истина) обусловлена усилиями отечественных философов преодолеть однобокую гносеологическую интерпретацию понимания истины и вернуть в материалистическую алетологию старую формулу «*veritas rerum*» (истинность вещей), оказавшуюся необоснованно выброшенной из «диамата» в силу социально-политических обстоятельств [2]. Накопленный на сегодняшний день материал обязывает сделать логически напрашивающиеся выводы.

Изыскания по проблеме природы истинности вещей («*veritas rerum*») и истинности знаний («*veritas intellectus*») начались в глубокой древности и продолжались и продолжают с приливами и отливами непрерывающегося интереса в течение всей долгой истории философии. В книге «Истина и культура философского мышления» [3] ее авторы проанализировали по этому вопросу идеи мудрецов Древнего Китая и Индии, а также достаточно полно взгляды представителей западноевропейской философской традиции. Авторы считают, что вклад в развитие алетологии внесли и отечественные философы, в том числе и советского периода.

Справедливо утверждение о том, что тема истины никогда не уходила в периферию философских разработок. Более того, она всегда обнаруживалась в эпицентре самых разных философских дискуссий и диалогов [4]. Приведем из истории философии несколько примеров. По словам Аристотеля, «говорить о сущем, что его нет, или о несущем, что оно есть – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и несущее не есть, – значит говорить истинное» [5].

У Августина находим утверждение о том, что «истина есть то, что показывает то, что есть; истина есть то, согласно чему мы судим о низших предметах (*de inferioribus*)» [6]. У него же есть еще более

простое определение: «истинное есть то, что есть» [7]. Средневековая теоцентричная концепция онтологической истины исходила из догматов христианства. Бог – самодостаточная истина, которая определяет истинность всего остального. Бытие всего сущего и несущего соответствует божественному промыслу. Если вещь истинна, то, как утверждает Иларий Пиктавийский, он же Иларий из Пуатье (325-266), это есть «прояснение и проявление бытия» [8]. Если есть Бог, который абсолютно истинное бытие, то любое иное бытие неотделимо от Него. У Ансельма Кентерберийского, у Бонавентуры можно найти утверждение, что истинность конечной (тварной) вещи означает неотделимость её бытия от того, что есть поистине, т.е. от Бога. Приведем интересный фрагмент из работы А. Кентерберийского «Об истине», где очень демонстративно высказывается мысль о связи гносеологической истины с онтологической.

«Учитель. Когда высказывание является истинным?»

Ученик. Когда имеет место (est) то, что оно высказывает, либо утверждая, либо отрицая: а я считаю, что то, что оно высказывает, имеет место также и в том случае, когда оно отрицает существование того, чего нет; – потому что (и тогда) оно высказывает так, как обстоит дело.

Учитель. Значит, тебе кажется, что высказанная вещь (res enuntiata) есть истина высказывания?

Ученик. Нет.

Учитель. Почему?

Ученик. Потому что ничто не бывает истинно, не будучи причастно истине: и потому истина в самом истинном; вещь же высказанная в истинном высказывании не содержится. Потому ее следует называть не истиной, но причиной истины. Поэтому мне кажется, что истину следует искать не в другом каком месте, как в самой высказывающей речи (in ipsa oratione)» [9]. Первое. Высказывающая речь истинна, когда она обозначает существующее как существующее, не существующее как не существующее, т.е. то, что есть так, как есть. Второе. Но и высказывающая речь, и то, что она обозначает – они должны быть причастны истине. В каждом из них есть своя истина, отличная от истины, приобретаемой во взаимодействии с другими объективными или субъективными явлениями. То, что в них есть истина – это то, что от бога: их идея, обозначаемая в высказывающей речи общим понятием. Очень хорошо видно различие онтологической истины в природном и социальном мире.

«Ученик. Если огонь от источника своего бытия получает свойство греть, то когда он греет, он делает то, что должно. Потому не вижу, какая несообразность в том, что огонь творит истинное и правильное, когда он делает то, что должно.

Учитель. И мне не иначе представляется. Отсюда можно заметить, что правильность или истина действия бывает необходимой и не необходимой. А именно, в силу необходимости огонь творит

истинное и правильное, когда греет; и не в силу необходимости творит истинное и правильное человек, творя добро» [10].

Мотив этот встречается и в арабской философии. У великого Авиценны есть суждение, что «истина каждой вещи есть свойство ее бытия (*suī esse*), которое в ней непреходяще» [11]. Другими словами, пока вещь есть, она содержит в себе образ Бога, т.е. часть абсолютной истины. Часть абсолютной истины, если сказать положительно, – это относительная истина. Каждая тварная (конечная) вещь, пока она существует, содержит в себе относительную онтологическую истинность. Она является, в отличие от Бога, который абсолютно истинен, относительно истинной. Если же рассмотреть эту схему с генетической позиции, то сказанное выше приобретает причинно-следственный характер: вещь обладает бытием до тех пор, пока в ней содержится в какой-то мере относительная истинность, т.е. пока она в какой-то мере сохраняет и несет в себе образ абсолютной истины, или Бога. Соответствие вещи образу Бога есть ее относительная онтологическая истинность. Конечная вещь тем ближе к своему идеальному состоянию, чем ближе ее относительная онтологическая истинность образу абсолютной истины. Чем больше теряет вещь свою относительную онтологическую истинность, тем она становится слабее, беспомощнее в бытийном плане, тем ближе к своему небытию, разрушению, распаду, смерти. Жизненная (бытийная) сила, мощь вещи в ее онтологической истинности, т.е. в близости образу Бога. Если заменить слово «Бог» другим, более нейтральным в конфессиональном отношении и более близким к здравому смыслу и науке, получается достаточно понятная картина. Вещь сохраняет свои жизненные силы и тем самым бытие в той мере, в какой продолжает соответствовать тем основаниям, которые ее породили, т.е. тем законам, по которым существует. Вместо «бога» поставим «закон» в научном смысле, и мы получим достаточно близкое к материализму понимание (или толкование) онтологической истинности вещи (*veritas rei*). Все есть то, что есть, благодаря своему закону возникновения и бытия. Пока вещь соответствует своему закону, она есть, т.е. является относительно онтологически истинной. Чем выше степень этой онтологической истинности, тем ближе качество вещи к эталонному состоянию, т.е. идеальному, совершенному образу, который в максимальном пределе есть абсолютная онтологическая истинность. Отсюда понятно то банальное утверждение, что идеал недостижим: если бы вещь достигла своего абсолютно идеального состояния, т.е. стала абсолютно онтологически истинной, она бы превратилась в образ Бога, в метафизический закон бытия множества однородных конечных (тварных) вещей.

Категория «онтологическая истина» выводит познание к уровню абсолюта, как бы его не трактовали. В таком масштабе истины науки и истины искусства, да и всех других форм духовной жизни общества и человека сходятся в общем основании – абсолюте. Так как человек есть «микроабсолют», получается, земное познание во всех формах духовной жизни тоже приходит к общему знаменателю – человеку.

«Что есть истина?» – этот один из вечных вопросов человечества традиционно приписывают Понтию Пилату – римскому чиновнику в оккупированной Иудее в далеком от нас начале нашей эры. Пилат этим вопросом раздраженно перебил разглагольствования бунтаря-проповедника, пытавшегося оправдать свои действия ссылками на разного рода истины: на истинную веру, на истинную справедливость, на истинное добро, на истинное счастье, на истинную свободу и на истинное бессмертие. Тон Пилата говорил: никто не знает, что есть истина. А кто знает, тот ошибается. И для него, прокуратора, назначенного кесарем, этого вопроса не существует, ибо он бессмыслен. И для человека, считает Понтий, не может быть иной истины, доставляющей высшее наслаждение и счастье, чем руководствоваться инструкциями, получаемыми из центра – из канцелярии римского императора. И он, Понтий Пилат – римский аристократ, действует и живет не по каким-то истинам, а по распоряжениям и командам, приходящим сверху. Но прокуратор умен и понимает, что кривит совестью. Это и выводит его из себя. Он знает, чувствует, ощущает, что он бессилен перед чем-то трудноуловимым, неосязаемым. Что существует какая-то невидимая сила, скрытая за словами проповедника, которого он может отправить на крест, на плаху, в каземат. Но, даже придав забвению его имя, он, всесильный, не одержит победы. Не только постоянные головные боли Пилата, но и вечные муки всех пилатов и понтийистов – от того, что сила истины вечна и нетленна и всегда окажется выше силы инструкций и насилия.

Пилатчина – это течение вопреки даже здравому смыслу, который толкает каждого человека к этому «проклятому» вопросу в самых будничных делах. Человека всегда волнует, чтобы яблоня и вишни в его саду и картофель в огороде были истинными, чтобы купленный им скакун или гоночный автомобиль оказались тоже истинными, чтобы среди знакомых попадались истинные друзья, чтобы любовь и счастье были истинными, чтобы дети выросли истинными людьми, чтобы ему посчастливилось жить в истинно гуманном обществе, чтобы его государство было истинным, чтобы правители были истинными и руководствовались истиной и т.д. Каждый человек хочет, чтобы творения его рук и ума были истинными шедеврами ремесла, искусства и познания.

Инструкциями можно убить человека, и не одного, но судьба человечества в целом предопределяется, в конечном счете, все-таки истиной.

Понтийисты не дают забывать о себе. Они живы. Жива и тема. О самом Понтии Пилате, умывшем руки от истины, вспоминали и вспоминают часто. Например, Ф. Бэкон в «Опытах или наставлениях нравственных и политических» [12]. А великий Гегель этот сюжет вспоминал в течение всей жизни. В 1795 году в работе «Жизнь Иисуса» он пишет: «Что есть истина?» – возразил Пилат на манер царедворцев, смеясь отклоняющих в своей близорукости серьезность вопроса. Он счел Иисуса мечтателем, жертвующим собой ради слова, ради абстракции, лишенной в глазах Пилата всякого значения» [13]. Через

двадцать лет в 1816 году мы вновь видим у него ту же сцену в ином описании в предисловии к третьему тому «Науки логики»: «если вспомнить смысл вопроса, который задал Пилат: Что есть истина? – как говорит поэт (Гегель ссылается на «Мессиаду» Клопштока, песнь 7–В.Х.) с миной притворной, недалновидно, но с улыбкой осуждающего серьезное дело» [14]. В §19 «Энциклопедии философских наук» (1817 г.) опять Пилат со своим вопросом и опять несколько иным оттенком: «Есть важничанье, – пишет Гегель, – по отношению к истине, подобное тому, какое мы видим у Пилата в его вопросе, обращенном к Христу. Пилат как человек, который все решил, который потерял ко всему интерес, спросил: «Что есть истина?» Этот вопрос имеет тот же смысл, что и слова царя Соломона: «Все суета». В нем ничего не осталось, кроме субъективной суетности» [15]. И, наконец, открывая чтение в Берлине 22 октября 1818 года, Гегель вновь напоминает своим слушателям эту хрестоматийную сцену: «Пилат, римский проконсул, который, услышав из уст Христа слово, истина, ответил вопросом: что есть истина? – вопросом, имевшим тот смысл, что он, Пилат, решил эту проблему и знает, что не существует познание истины» [16]. Не будем больше цитировать, хотя о том же Гегель говорит еще и в «Лекциях по истории философии». Вспоминает этот сюжет и К. Поппер [17], а писатель-философ М. А. Булгаков на основе этого сюжета написал целый роман. Вспоминают Пилата и сегодня [18].

И зачем все-таки людям истина? Не проще ли жить по указаниям, распоряжениям, командам, уставам, постановлениям, программам и пр.? Для чего люди, каждый в отдельности и все вместе, ищут истину? Чего они ищут и зачем?

Все есть суета и томление духа, в том числе и поиск истины, – утверждал библейский Екклесиаст, или проповедник. Автор данной работы разделяет иную точку зрения, присущую оптимистической и мудрой философии плеяды великих мыслителей, которые говорили о неразрывной связи философии и истины. И о вечной актуальности человеческого поиска истины.

Философия и истина. Эта тема занимала почти всех великих философов. Аристотель утверждал, что «философия называется знанием об истине». Следовательно, философом будет тот, кто владеет знанием «об истине» [19]. У Аль-Кинди видим пояснение, о какой истине может идти речь: «Из человеческих искусств самым возвышенным и благородным является искусство философии, каковое определяется как познание истинной природы вещей» [20]. Природа вещей может быть истинной и не истинной. Искусство философствования и состоит в умении найти, познать «истинную природу вещей». Обратим внимание: Аль-Кинди говорит об объективной истинности вещей, а не о том, что истина – это знание природы вещей. Впоследствии такие представления об истинности вещей («*veritas verum*») будут называться «онтологической истиной» в отличие от истинности знаний («*veritas intellectum*»), обозначаемых словосочетанием «гносеологическая истина». У Декарта читаем: «Слово *философия* означает занятие

мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего, что может познать человек» [21]. «Совершенное знание» – синоним истинного знания. В этом не может быть никаких сомнений. Нужно обратить внимание и на то, что философия – не просто занятие истиной, а восторженное увлечение поиском истины. Философское дело не может быть из-под палки, не может быть скучным выполнением своих обязанностей, определенных внешними инструкциями.

Гассенди пишет: «Так как не может быть ничего более прекрасного..., чем достижение истины, то, очевидно, стоит заниматься философией, которая и есть поиск истины» [22].

Только устремление к истине делает мыслителя философом, и только устремленная к истине философия может считаться истинной философией [23].

Увлечение идеями связи философии с истиной доходило порой до того, что из философии предлагалось вообще удалить проблему ее противоположности – лжи. «Мы не должны, – писал Гоббс, – дать имя философии ложным заключениям» [24]. Чтобы философия была истинной в ней должна оставаться «чистая» истина. Требование весьма категоричное. И вряд ли выполнимое. Хотя и «ведь цель философии есть только истина» [25].

Если поставить себе такую задачу, то можно было бы найти высказывания, где истина объявляется и основанием, и целью, и сутью, и задачей, и проблемой философии или даже самой философией. Цель философии, говорит восторженно Спиноза, – только истина. Но восторг перед истиной не должен вести к искажениям ее, предупреждает Локк: «Философ не ставит никакой другой цели кроме беспристрастного исследования истины» [26].

В хоре голосов, утверждающих, что философия есть учение об истине, участвуют представители всех направлений и школ. Рядом с материалистами Локком и Спинозой стоят Беркли и Гегель. «Философия есть не что иное, – пишет епископ из Ирландии, – как стремление к мудрости и истине» [27]. О том же читаем у Гегеля: «Разве философия есть что-либо иное, чем исследование истины?» [28].

Попутно заметим, что связь философии с истиной часто дополняют еще двумя категориями – красотой и добром. Шеллинг отметил: «Разве философия не стремится к той вечной истине, которая тождественна красоте?» [29].

У В. С. Соловьева в качестве задачи философии выступает поиск истины, которая через красоту должна привести к добру. «Абсолютное, – пишет он, – осуществляет благо через истину в красоте» [30].

В различных вариантах мы встречаем в высказываниях великих философов и тот момент, который подчеркивает специфику философского понимания истины. Речь идет о том, что философию интересуют истина или истинность мира как единого, включающего в себя как составные части истинность природы и социальных объектов, истинность объективного и субъективного, истинность

эмпирически-чувственного и метафизического (умопостигаемого), и конкретного и т.д. Гегель пишет: «Философия и религия имеют предметом истину, и именно истину в высшем смысле этого слова, – в том смысле, что бог, и только он один, есть истина» [31]. Ту же мысль повторяет и С. Н. Трубецкой: «Философия, любовь разума, направляется в действительности на истину не эмпирическую, но всеобщую, вселенскую, так сказать» [32]. Тему философии и истины мы обнаруживаем и у философов последних столетий. О том, что философия «не обещает ничего кроме истины» [33]. писали также К. Маркс, Ф. Энгельс. Ницше и тот обмолвился, что «в истине», в поисках истины что-то есть [34]. Хайдеггер в работе, так и названной «О сущности истины» объявляет философию «как вопрошание... истины» [35]. В. И. Ленин без комментариев выписал слова Гегеля: «Философия должна быть рассказом не о том, что совершается, а познанием того, что в нем истинно» [36]. Н. Бердяев настойчиво повторяет: «А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине» [37]. Эстафету приняли и советские философы. А. Н. Чанышев пишет: «Отнимите у философа стремление к истине – и философа нет. В лучшем случае он становится философоведем, а в худшем – идеологом, теоретическим лакеем политикана» [38]. В более мягких тонах о том же читаем у Г. В. Лобастова: «Без интереса к истине нет философии.... Здесь начинается философия, и поэтому не случайно ее именуют наукой об истине» [39].

Резюмируем сказанное. Философское понимание истины заключается в выяснении истинности мира как единого, истинной диалектики его бытия и небытия. Понятно, что такое представление будет включать и проблемы определения истинности природных и социальных объектов, вещей и знаний, человека и общества, а также вопросы о том, как становятся истинными вещи, люди и их знания, и куда ведет процесс алетизации («истинизации») мироздания. Все это и образует содержание предмета нашего исследования – вечно актуальной темы истинности вещей и знаний, в развернутой форме образующей философское понятие истины.

Использованная литература

1. Панкин, Г. И. Музыка и эстетика / Г. И. Панкин. – М., 1969. – С. 19.
2. См. Хазиев, В. С. Философское понимание истины / Хазиев В. С. // Философские науки. 1991. – № 9.
3. См. Бенин, В.Л. Истина и культура философского мышления / В. Л. Бенин, Хазиев В. С. – Уфа, 1992.
4. См. Бенин, В. Л. Истина и культура философского мышления / В. Л. Бенин, Хазиев В. С. – Уфа, 1992.
5. Аристотель. Метафизика, IV, 7, 1011 b25. – С. 141.
6. Августин. Об истинной религии, 36. (PL.34, 152)
7. Августин. Монологи, 4 и 5. (PL 32, 889).
8. «De fide», или «De trinitate». V. (PL 10, 131).

9. *Ансельм Кентерберийский. Об истине // Сочинения. – М., 1995. – С. 168-169.*
10. *Ансельм Кентерберийский. Об истине // Сочинения. – М., 1995. – С. 174.*
11. *Авиценна. Метафизика, VIII, 6.*
12. *Бэкон, Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1972. – С. 352.*
13. *Гегель, Г. В. Ф. Философия религии. Т. 1. – М., 1976. – С. 96.*
14. *Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. – М., 1972. – С. 8.*
15. *Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1974. – С. 108.*
16. Там же. – С. 82.
17. См. Мир философии. – М., 1991. – С. 146.
18. См. Молодой коммунист. 1989. – № 4.
19. *Аристотель. Соч. в 4 т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 94.*
20. Антология мировой философии. Т.1. – Ч. 2. – М., 1989. – С. 711.
21. *Декарт, Р. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1989. – С. 301.*
22. *Гассенди, П. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М., 1968. – С. 28.*
23. *Гассенди, П. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М., 1968. – С. 25.*
24. *Гоббс, Т. Соч. в 2 т. – Т. 2. – М., 1965. – С. 634.*
25. Антология мировой философии. Т. 2. – М., 1970. – С. 404.
26. *Локк, Дж. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1985. – С. 153.*
27. *Беркли, Дж. Соч. – М., 1978. – С. 158.*
28. *Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1974. – С. 58.*
29. *Шеллинг, Ф. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1987. – С. 498.*
30. *Соловьев, В. С. Собр. соч. в 8 т. б/г. – Т.3. – С. 102.*
31. *Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1974. – С. 84.*
32. *Трубецкой, С. Н. Чему нам надо учиться у материализма // Вопросы философии. 1989. – № 5. – С. 109.*
33. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 107.*
34. *Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии. 1989. – № 5. – С. 143.*
35. *Хайдеггер, М. О сущности истины // Философские науки. 1989. – № 4. – С. 133.*
36. *Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 133.*
37. *Бердяев, Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 8.*
38. *Чанышев, А. Н. Некоторые соображения по поводу статьи двух философов / А. Н. Чанышев // Вестник Московского гос. ун-та. 1991. – № 2. Серия 7. Философия. – С. 88.*
39. *Лобастов, Г. В. Так что же есть истина? / Г. В. Лобастов // Философские науки. – 1990. – № 6. – С. 49–51.*

Статья поступила в редакцию 19.11.2015 г.